

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга имеет для меня особое значение по многим причинам. Одна из них — мой собственный опыт музыканта (раньше я играла на трубе); другая — борьба моей мамы с раком, омрачившая работу над романом. В связи с этим есть много людей, которых я хочу поблагодарить.

Прежде всего, моего агента Дайану Фокс — за неизменную поддержку, глубокое понимание, редкую проницательность и бесценные телефонные разговоры; моего блестящего и вдохновенного редактора Зарин Джеффри, которая задавала правильные вопросы; всю команду издательства «Саймон и Шустер», особенно всегда готовых помочь Джулию Магуайр, Лидию Финн и Пола Кричтона, Катрину Грувер и Анджелу Цурло (огромное спасибо за частые гребешки, которыми вы прочесали текст!), Бернадетт Крус, Мишель Фадлаллу; шеф-дизайнера Люси Рут Камминс — за красивое оформление книги; Карла Квасни — за восхитительные иллюстрации; Пуйю Шахбазяна и Бетти Энн Кроуфорд — за рекламу книги.

Спасибо моим друзьям-писателям, вдохновляющим и поощряющим меня: Элисон Черри, Линдси

Рибар, Лорен Магазинер, Тиму Федерле, Ли Бардуго, Трише Ли, Эмме Тревейн, Стефану Бахману, Кэтрин Катмулл, Эллен Райт; авторам из литературного сообщества «Апокалипсис» — за их неустанную поддержку; и особенно Сьюзан Бишофф и Каит Нолан, моим родственным душам. Блогерам, библиотекарям, товарищам писателям и читателям, «Твиттеру», «Тамблеру» и всему народу, пишущему в блоги, кто ежедневно радовал и любезно поддерживал меня, — спасибо вам.

Без занятий музыкой я была бы другим человеком, поэтому должна принести самые тёплые благодарности некоторым учителям музыки — Кристен Буле, Джону Лайту, Ирен Моррис, Эйсе Бёрк, Джей-Ару Стоку, Николасу Уильямсу, Дэннису Фишеру, Морин Мёрфи, Майку Сиско, Элли Мёрфи, Марти Кортни и Джону Холту, — которые на протяжении многих лет вдохновляли меня и побуждали к развитию. Спасибо Эндрю Джастису, Морин Мёрфи и Джонатану Томпсону за помощь в составлении программы Городской филармонии. Особая благодарность симфоническому оркестру Далласа и маэстро Япу ван Зведену, на прекрасном концерте которого я познакомилась с Оливией и Игорем, и Райану Энтони — выдающемуся трубачу и прототипу Ричарда Эшли.

Доктору Алану Муньюсу — доктору Птице, как называет его Оливия, — и сотрудникам Далласской городской больницы за хорошую заботу о моей маме; моим друзьям и семье, в особенности тем, кто помогал нам в тяжёлые времена: Пати Ганн, Джуди Румиллат, Пэт Пибоди; Линкору Леграну — ещё не пробил час? — Эшли, Энди, моей чудесной мачехе Анне и моему неукротимому отцу Дабл-Ю-Ди — я скучаю по ним каждый день; моим дорогим друзь-

ям Старру Хоффману, Бет Кесуани, Мелиссе Ганн, Бриттани Сисеро и Джонатану Томпсону — все вместе они моя опора и спасательный круг; и Мэтту, моему возлюбленному, мастеру расплетать запутанные сюжетные узлы.

И наконец, Дрю и маме — спасибо, скучаю по вам, люблю вас. Мы справились.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

ГЛАВА 1

Тот год, когда появились призраки, начался так: Маэстро толкнул ногой дверь, бросил на пол чемодан и воскликнул:

— Вуаля!

— Видела уже, — заметила я. Если он забыл, я здесь вообще-то выросла.

— Да, но ты посмотри хорошенько, — сказал Маэстро со своим дурацким акцентом. Он, конечно, чистокровный итальянец и всё такое (я-то только наполовину) — но зачем это так подчёркивать?

Я скрестила руки на груди и внимательно огляделась.

Ряды кресел с выцветшими сиденьями. Занавес на сцене побит молью. Бельэтаж с ложами для богатых людей полуциркулем охватывает зал. С потолка, расписанного ангелами, драконами и фавнами, играющими на свирелях, свисают тяжёлые люстры. В глубине сцены притаился, как спящее чудовище, орган, и его трубы мерцают под косыми лучами солнца, падающими из фойе позади нас.

Старый, знакомый до мелочей Эмерсон-холл. Тот же занавес, те же кресла, те же драконы.

Новое здесь только мы.

И наши чемоданы.

— Ну? — произнёс Маэстро. — Что вы думаете?

Я стояла между ним и нонни¹. Она хлопнула в ладоши и стянула платок с головы, почти совсем лысой, всего с несколькими клочками седых волос. В тот день, когда девять месяцев назад, прямо перед Рождеством, мама исчезла, нонни обрила голову.

— Ах! — От улыбки морщины у неё на лице углубились. — По-моему, это прекрасно.

Мои пальцы стиснули ручку чемодана линялого красного цвета с прогнувшейся крышкой.

— Ты уже видела этот зал, нонни. Все мы его видели миллион раз.

— Но он изменился! — Нонни теребила в руках платок. — Раньше это была филармония. Теперь это дом. *È meglio*².

Я скрипнула зубами, сдерживая раздражение:

— Филармония и сейчас никуда не делась.

— Оливия! — Маэстро смотрел на меня улыбаясь. — А ты что думаешь? — спросил он так, словно и правда интересовался моим мнением.

Я не ответила, и нонни поцокала языком:

— Оливия, надо отвечать, когда папа тебя спрашивает.

Мы с Маэстро почти не разговаривали ещё с тех пор, как ушла мама, хотя, по сути, перестали общаться ещё месяца за два до того — он был слишком занят репетициями, концертами, попытками сохранить оркестр, клянча деньги у богатых людей на светских ужинах, и домой возвращался за полночь. Иногда он вообще не приходил ночевать и являлся только под утро, когда мы с мамой завтракали на кухне.

¹ Уменьшительно-ласкательное от *poppa* (*ит.*) — бабушка.

² Так лучше (*ит.*).

Тогда родители начинали орать друг на друга.

С тех пор я возненавидела завтрак. Каждый раз при виде хлопьев меня тошнило.

— Он мне не отец, — прошептала я. — Он просто Маэстро.

Я почувствовала, как в тот миг что-то изменилось. Я знала, что никогда больше не назову его папой. Он этого не заслуживал. Наш переезд стал последней каплей.

— Омбралина... — с упрёком покачала головой нонни. Так она меня называла. «Омбралина» по-итальянски — «маленькая тень».

Маэстро стоял неподвижно, глядя на меня своими тёмными глазами. Меня бесило, что у нас одинаковый цвет глаз. В душе клокотал вулкан.

— Кажется, меня сейчас вырвет, — заявила я, повернулась и выбежала, прихватив с собой чемодан.

Я помчалась через вестибюль, мимо изогнутой главной лестницы и кассы, и оказалась на тротуаре. Прямо у входа, на углу Арлингтон-авеню и Уичитострит, я бросила чемодан и закричала.

Мимо проносились автомобили: легковые, грузовые, такси. По улице спешили люди: офисные работники с прижатыми к уху телефонами и с сэндвичами в руках направлялись на обед. Никто меня не заметил. Никто даже не взглянул в мою сторону.

С тех пор как ушла мама, меня вообще мало кто замечал. Одевалась я теперь в основном в чёрное. Меня это устраивало: чёрный цвет успокаивает. Волосы у меня были длинные и тоже чёрные, блестящие, и я почти всегда носила их распущенными. Мне нравилось прятаться за ними и притворяться, будто меня не существует.

Я не решила, чего мне хочется больше — заплакать или стукнуть по чему-нибудь, — а потому снова повернулась к двойным дубовым дверям, ведущим в Эмерсон-холл. По обеим сторонам от них сидели каменные ангелы, дующие в трубы. Кто-то не поленился забраться наверх и раскрасить их из баллончика в оранжевый и красный цвета. Зажмурившись, я постаралась представить громоздкое здание филармонии домом, но ничего не получилось. И всё же мне предстояло жить в этом огромном, продуваемом сквозняком концертном зале с аляповатыми ангелами у входа.

— Какая разница, можно и вернуться. — Я со всей силы пнула двери, открывая их. — Идти-то больше некуда.

Мы поселились в двух пустых кладовках за сценой по сторонам от главного репетиционного зала. Рядом находился буфет с раковиной и основной кухонной техникой: микроволновкой, мини-холодильником и электроплиткой. Раньше она предназначалась для того, чтобы музыканты могли разогреть пищу и перекусить во время перерывов в длительных репетициях.

А теперь плитка стала нашей.

Маэстро, нонни и я затащили за сцену наши чемоданы, по одному у каждого, — всё наше имущество, больше у нас ничего не было.

Маэстро исчез в кладовке, которая должна была стать его комнатой, и на всю катушку врубил Четвёртую симфонию Чайковского на древнем стерео, стоявшем там много лет. Динамики трещали. Четвёртая симфония была первым номером программы того года. Скоро должны были начаться репетиции.

Нонни аккуратно поставила свой чемодан посередине репетиционного зала с составленными друг на друга стульями и пропитрами и со шкафчиками музыкантов вдоль стен. Она уселась на чемодан, помахала мне и начала напевать, теребя платок.

В последнее время нонни только этим и занималась — напевала и теребила платки.

Я долго сидела рядом с ней, слушая её мурлыканье в такт грохочущей музыке Маэстро, как вдруг словно вышла из себя и воспарила. Казалось, если полностью сосредоточиться, можно совсем порвать связь с телом. Гуляющий повсюду ледяной сквозняк не внушал оптимизма. «Отлично, — подумала я. — Здесь уже мороз, а ещё даже не осень».

Нет, не может быть, чтобы такое случилось. И тем не менее это правда.

У нас с нонни были раскладные кровати, уже с постелью. Я не знала, где Маэстро купил их, но сомневалась в чистоте белья, поэтому отнесла его в прачечную-автомат на той же улице и после стирки постелила заново.

Из-за этого настроение у меня испортилось окончательно. Порошок и сама стирка стоили нам несколько долларов, а когда у тебя ни кола ни двора, каждая монета на вес золота.

Ещё у нас с нонни были одеяла, сшитые мамой: бывало, после ужина она раскладывала на кухонном столе ткани, ножницы, мотки ниток, бумагу, которую приносила домой с работы, и занималась рукоделием.

Когда я расстилала одеяла на кроватях, в нашу комнату вошёл Маэстро.

— Давно пора выбросить это старьё, — сказал он.

— Это наша с нонни спальня. — Не глядя на него, я продолжала разглаживать одеяла. — Уходи.